

Киран Миллвуд Харгрейв

История
ЧУДА и
отваги

Девушка

и

чернил

и

звезд

 Freedom

МОСКВА

2017

УДК 821.111-31-053.2
ББК 84(4Вел)-44
X20

Kiran Millwood Hargrave
THE GIRL OF INK & STARS

Original English language edition first published
in 2016 under the title THE GIRL OF INK AND STARS
by The Chicken House, 2 Palmer Street, Frome, Somerset, BA11 1DS
Translation Copyright © Chicken House Publishing Ltd
Text copyright © KIRAN MILWOOD HARGRAVE 2016
The Author/Illustrator has asserted her moral rights.
All rights reserved.

Харгрейв, Киран Миллвуд.

X20 Девушка из чернил и звезда : повесть / Киран Миллвуд Харгрейв ; [пер. с англ. С. Н. Самуйлова]. — Москва : Эксмо, 2017. — 288 с. : ил. — (Young Adult Проза).

ISBN 978-5-699-95523-7

Изабелла живет на тропическом острове, затерянном в океане. Она дочь картографа, который передал ей все свои знания об этом уголке земли. Часть острова является запретной, и ее ревностно охраняет огненный демон — по крайней мере, так гласит легенда. Много столетий назад его пытались победить, но не вышло. Теперь же, когда покой их сонного городка нарушает известие об исчезновении девочки и внезапном появлении ужасных чудовищ, становится понятно, что кто-то пересек древнюю границу. Теперь только самоотверженность и храброе сердце Изабеллы, девушки в жилах которой текут чернила и которая умеет читать звезды, помогут спасти остров.

УДК 821.111-31-053.2
ББК 84(4Вел)-44

© Самуйлов С., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-95523-7

*Для звезды, Сабины Карер,
на 28.6139° с. ш., 77.2090° в. д.*

*И для тех, кто помог мне
перенести чернила на бумагу
 51.7519° с. ш., 1.2578° з. д.*

Брак

КАРТА ОСТРОВА ДЖОЙЯ

Громера

$28^{\circ} 05' 36''$ с. ш.

$17^{\circ} 06' 35''$ з. д.

Глава 1

Говорят, в тот день, когда прибыл губернатор, прилетели и вороны. Все птицы поменьше умчались в море, поэтому певчих птиц на Джойе нет. Только огромные, всклокоченные вороны. Я смотрела, как они сидят, нахохлившись, на крышах, предвестники недоброго, и шурилась, пытаюсь превратить их в зябликов и желтоголовых королек, которых Па рисует по памяти.

Если очень-очень постараться, можно почти услышать, как они поют.

— Па, почему птицы улетели? — спрашивала я.

— Потому что смогли, Изабелла.

— А волки? Олени?

Па мрачнел, на лицо как будто наплывала тучка.

— Похоже, море было лучше того, от чего они бежали.

Потом Па рассказывал другую историю, про девочку-воина Аринту или далекое, сказочное прошлое Джойи, когда та была плавучим остро-

вом, и отказывался говорить про волков и улетевших птиц. Но я спрашивала и спрашивала, пока не настал день и ответы нашлись сами собой.

То утро ничем не отличалось от других.

Я проснулась на своей узкой кровати. Рассветные лучи только-только коснулись глиняных стен комнаты. Пахло подгоревшей кашей. Па, должно быть, поднялся уже давно — тяжелый глиняный горшок нагревался долго. Я слышала, как скребется за стеной, раскапывая крошки, Мисс Ла, наша курица. Ей исполнилось тринадцать лет, как и мне, но если для человека это мало, то для курицы очень, очень много. Перья у нее серые, а нрав грозный, и ее боялся даже наш кот Пеп.

В животе заурчало. Я потянулась и села. Пеп, лежавший у меня в ногах, громко мяукнул.

— Проснулась, Изабелла? — спросил из кухни Па.

— Доброе утро.

— Каша сварилась. И даже немного переварилась...

— Иду! — Я спустила ноги и разгладила жесткую, взъерошенную шерстку на боку кота. — Извини, Пеп.

Он заурчал и закрыл зеленые глаза.

Я умылась в раковине у окна, показала язык своему отражению в полированном металлическом зеркале над кроватью Габо и поправила его простыни, посеревшие от пыли, но все еще застеленные. Рядом с подушкой поднималась, горбясь, переговорная трубка — длинная, тонкая, полая. Па проложил ее для нас по стенам и потолку.

Мы прижимались к трубке губами и переговаривались шепотом, хотя и лежали каждый на своей кровати в разных концах комнаты.

Прошло уже три года. Три года назад я сидела там, и рука моего брата-близнеца пылала в моей руке. Он угас за одну ночь, быстро, как спичка под ветром.

Но я и сейчас могла его вызвать. Легко. Мне это как вздохнуть.

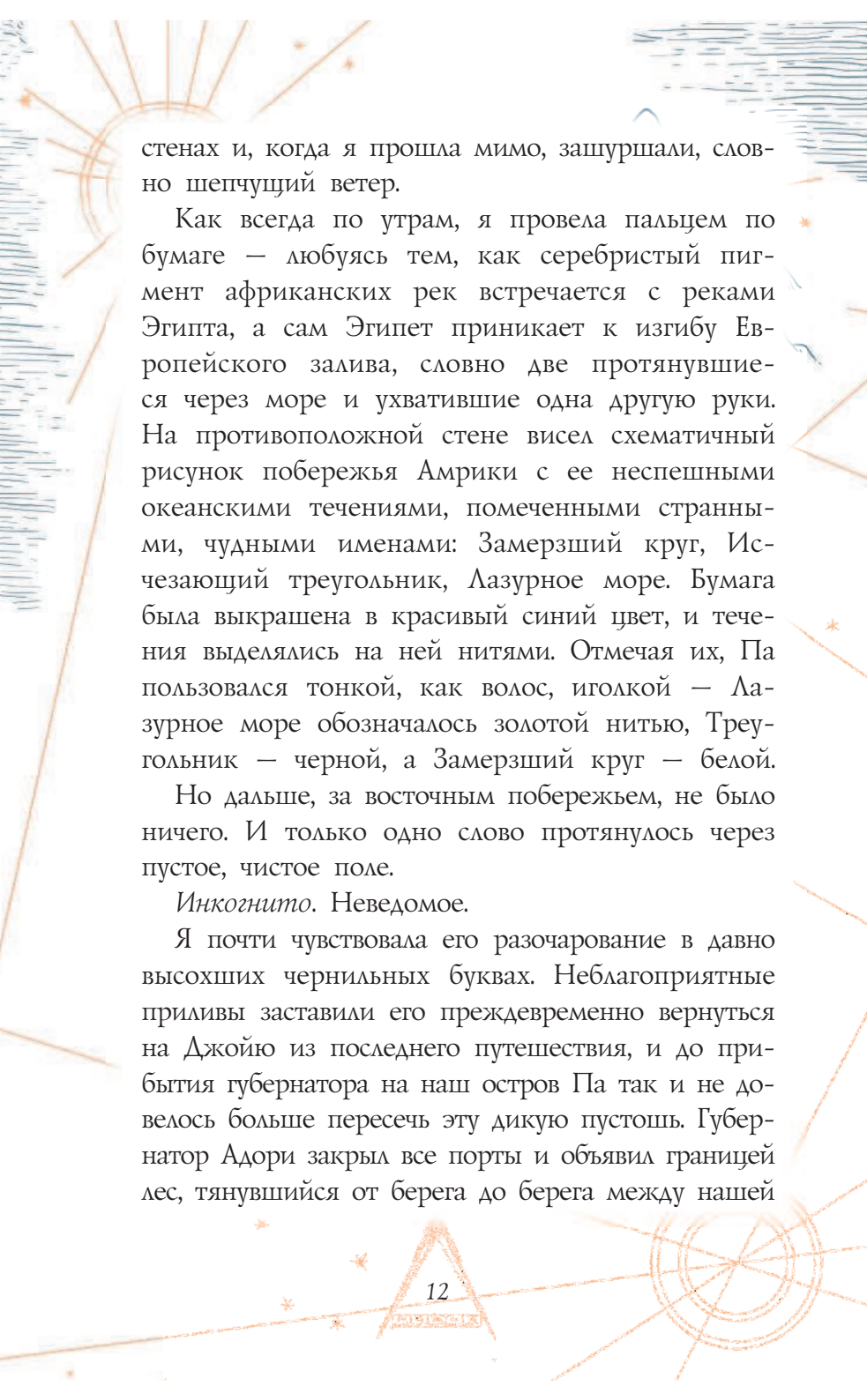
Начинать день с печали не годится. Я тряхнула головой и натянула школьное платье. Оно было такое же большое, как и шесть недель назад. То-то Люпа — это моя лучшая подруга — будет смеяться и говорить, что я — самая маленькая в классе!

Расчесывать волосы я не стала, а только быстро заплела — может, Па и не заметит, что я не распутывала их все лето. Пеп катался по кровати, но в форме мне гладить его не разрешалось. Моя учительница, сеньора Фелиз, замечая на платье рыжие шерстинки, вытягивала руку и снимала их двумя пальцами с очень недовольным видом.

Я отвела в сторону занавеску, служившую дверью моей спальни, и осторожно переступила через Мисс Ла, которая недовольно закудаhtала, потому что я разметала ее кучку зернышек. Курица сощурила мутные глаза и, клюя в лодыжки, погнала меня в главную комнату, где мы ели, разговаривали и планировали приключения.

Миска с подгоревшей кашей затерялась в море карт на нашем большом, сбитом из сосновых досок столе. Другие карты висели, приколотые, на

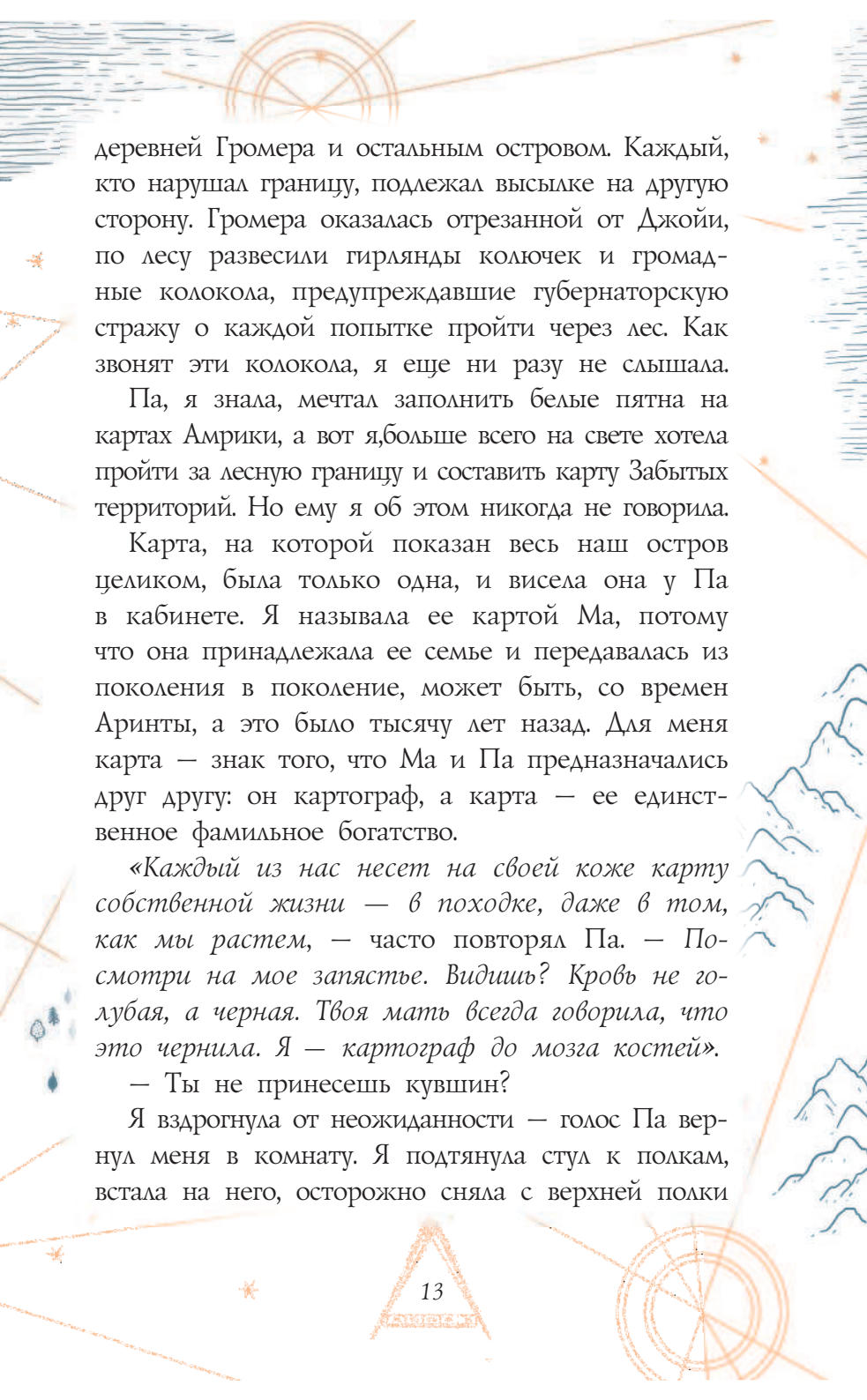
стенах и, когда я прошла мимо, зашуршали, словно шепчущий ветер.

Как всегда по утрам, я провела пальцем по бумаге — любясь тем, как серебристый пигмент африканских рек встречается с реками Эгипта, а сам Эгипет приникает к изгибу Европейского залива, словно две протянувшиеся через море и ухватившие одна другую руки. На противоположной стене висел схематичный рисунок побережья Амрики с ее неспешными океанскими течениями, помеченными странными, чудными именами: Замерзший круг, Исчезающий треугольник, Лазурное море. Бумага была выкрашена в красивый синий цвет, и течения выделялись на ней нитями. Отмечая их, Па пользовался тонкой, как волос, иглой — Лазурное море обозначалось золотой нитью, Треугольник — черной, а Замерзший круг — белой.

Но дальше, за восточным побережьем, не было ничего. И только одно слово протянулось через пустое, чистое поле.

Инкогнито. Неведомое.

Я почти чувствовала его разочарование в давно высохших чернильных буквах. Неблагоприятные приливы заставили его преждевременно вернуться на Джойю из последнего путешествия, и до прибытия губернатора на наш остров Па так и не довелось больше пересечь эту дикую пустошь. Губернатор Адори закрыл все порты и объявил границей лес, тянувшийся от берега до берега между нашей

деревней Громера и остальным островом. Каждый, кто нарушал границу, подлежал высылке на другую сторону. Громера оказалась отрезанной от Джойи, по лесу развесили гирлянды колючек и громадные колокола, предупреждавшие губернаторскую стражу о каждой попытке пройти через лес. Как звонят эти колокола, я еще ни разу не слышала.

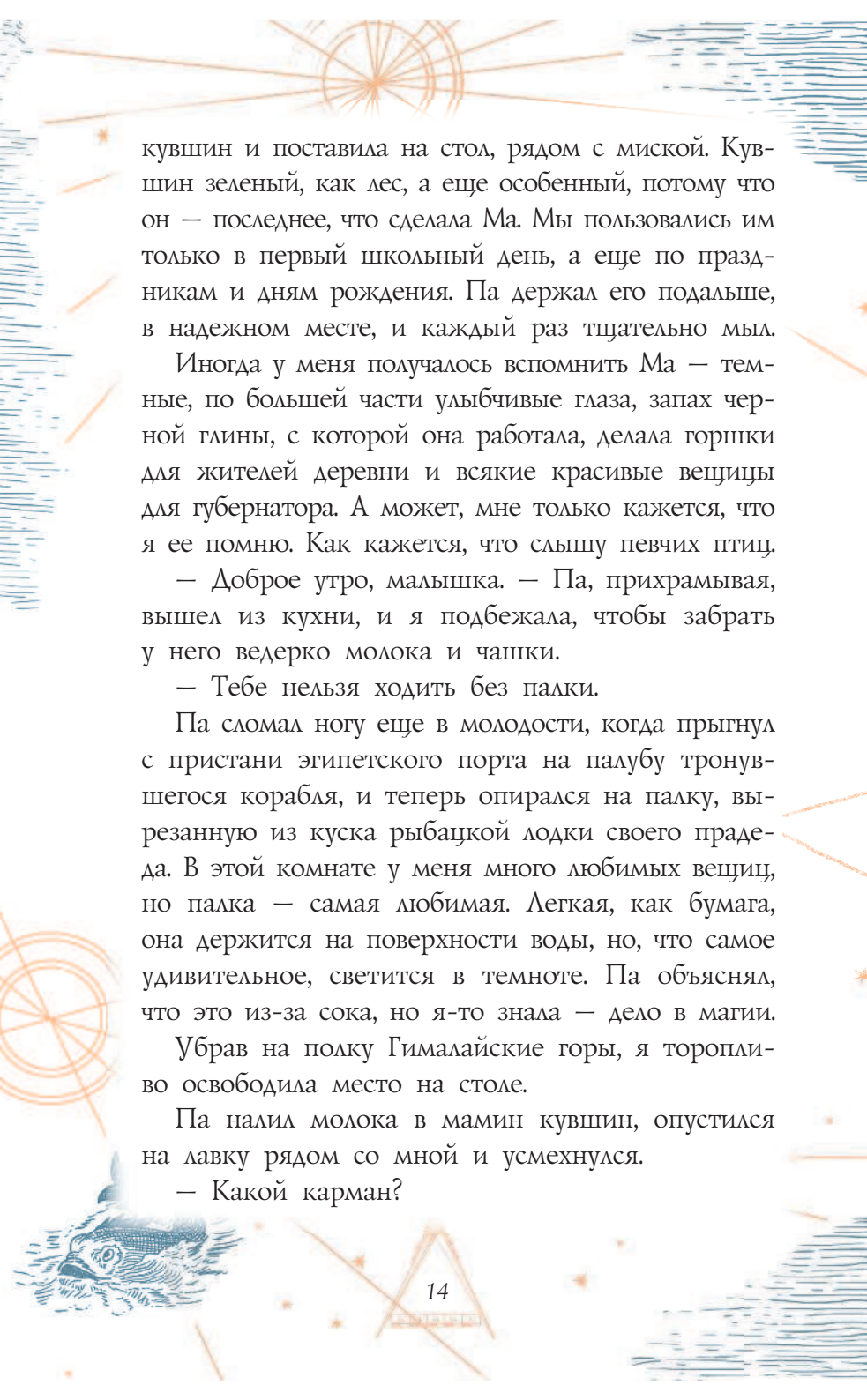
Па, я знала, мечтал заполнить белые пятна на картах Америки, а вот я, больше всего на свете хотела пройти за лесную границу и составить карту Забытых территорий. Но ему я об этом никогда не говорила.

Карта, на которой показан весь наш остров целиком, была только одна, и висела она у Па в кабинете. Я называла ее картой Ма, потому что она принадлежала ее семье и передавалась из поколения в поколение, может быть, со времен Аринты, а это было тысячу лет назад. Для меня карта — знак того, что Ма и Па предназначались друг другу: он картограф, а карта — ее единственное фамильное богатство.

«Каждый из нас несет на своей коже карту собственной жизни — в походке, даже в том, как мы растем, — часто повторял Па. — Посмотри на мое запястье. Видишь? Кровь не голубая, а черная. Твоя мать всегда говорила, что это чернила. Я — картограф до мозга костей».

— Ты не принесешь кувшин?

Я вздрогнула от неожиданности — голос Па вернулся меня в комнату. Я подтянула стул к полкам, встала на него, осторожно сняла с верхней полки

кувшин и поставила на стол, рядом с миской. Кувшин зеленый, как лес, а еще особенный, потому что он — последнее, что сделала Ма. Мы пользовались им только в первый школьный день, а еще по праздникам и дням рождения. Па держал его подальше, в надежном месте, и каждый раз тщательно мыл.

Иногда у меня получалось вспомнить Ма — темные, по большей части улыбочивые глаза, запах черной глины, с которой она работала, делала горшки для жителей деревни и всякие красивые вещицы для губернатора. А может, мне только кажется, что я ее помню. Как кажется, что слышу певчих птиц.

— Доброе утро, малышка. — Па, прихрамывая, вышел из кухни, и я подбежала, чтобы забрать у него ведро молока и чашки.

— Тебе нельзя ходить без палки.

Па сломал ногу еще в молодости, когда прыгнул с пристани египетского порта на палубу тронувшегося корабля, и теперь опирался на палку, вырезанную из куса рыбацкой лодки своего прадеда. В этой комнате у меня много любимых вещиц, но палка — самая любимая. Легкая, как бумага, она держится на поверхности воды, но, что самое удивительное, светится в темноте. Па объяснял, что это из-за сока, но я-то знала — дело в магии.

Убрав на полку Гималайские горы, я торопливо освободила место на столе.

Па налил молока в мамин кувшин, опустился на лавку рядом со мной и усмехнулся.

— Какой карман?

Я закатила глаза.

— Левый.

— Правильный ответ. — Он задвигал бровями, похожими на двух больших черных гусениц, и вынул из кармана баночку.

— Сосновый мед! — Я отвернула крышку и втянула носом запах, от которого потекли слюнки. — Спасибо.

— В первый школьный день только самое лучшее. Я пожалала плечами.

— Это же только школа...

— Ну, если так, то придется мне съесть все самому... — Он взял открытую баночку и сделал вид, что выливает мед в рот.

— Ну уж нет! — Я забрала ее назад. — Ты прав, день сегодня очень важный. Даже не знаю, почему ты не приготовил две баночки.

Мед был вкусный, и я даже не заметила, что каша пригорела, а когда подняла голову, то увидела, что Па к своей даже не притронулся. Он сидел тихо, ссутулившись, о чем-то размышляя.

Его рука лежала на столе возле кувшина с молоком, и на запястье пульсировала жилка. Глаза смотрели куда-то отстраненно.

Первый день школы — тяжелый для нас обоих.

Я тихонько убрала свою миску, а его пододвинула к нему поближе.

— Пока, Па.

Он не ответил. Я захватила сумку, вышла из дому и осторожно, как только могла, притворила за собой зеленую облупленную дверь.

